
Князь тьмы
и злодейка
Евгений Мурин

Евгений Мурин
Князь Тьмы и Злодейка

https://litres.ru/74714207
SelfPub; 2026

Аннотация

Ксения не мечтала о принце на белом коне — она привыкла полагаться только на себя. Но когда её клеймят злодейкой и запирают в башне, единственным шансом на справедливость становится союз с «тёмным принцем». Он не обещает благородного спасения, зато даёт ей право на месть и силу действовать. И тогда Ксения делает выбор: если ей суждено быть злодейкой в чужих глазах, пусть это будет роль, которую она сыграет по своим правилам.

Содержание

Глава 1. Злодейка 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Евгений Мурин
Князь Тьмы и Злодейка

Глава 1. Злодейка

Сквозь решётки башни внутрь небольшого помещения упали первые лучи солнца — тонкие, золотисто-пыльные, будто кто-то осторожно провёл кистью по полу. Ксения Де Гранд вздохнула и подняла взгляд к небу, видимому сквозь металлические прутья. Она почти не спала всю ночь, и у этой бессонницы было много голосов: скрип половиц в пустом крыле дворца, шёпот ветра в галереях, далёкий лязг доспехов стражи. Но громче всего звучала тишина её собственной комнаты — та особенная тишина, которая давит, когда ты чужая и в родном доме, и в новом.

Ксения была четвёртой дочерью короля Владимира. Королевство Рейдград годами враждовало с Милдроном, и эта вражда въелась в стены дворцов, в интонации слуг, в скрип мечей на учениях. Но год назад оба короля, уставшие от бесконечной войны, решили, что лучший способ удержать мир — связать два королевства узами брака. И самым надёжным «договором» стала невеста.

В Рейдграде был наследный принц, поэтому король Мил-

дрона отправил свою дочь. Он преследовал свои цели: среди дочерей магия марионетки казалась ему наименее полезной для политики. Старшая владела магией воды — силой, которую можно было выставить напоказ и использовать в переговорах. А у Ксении дар был тихий, почти незаметный, словно тень, скользящая по углам. Потому выбор пал на неё. Но Ксения не жаловалась. В глубине души она даже радовалась возможности покинуть дом, где старшая сестра годами оттачивала на ней остроту своих слов. Здесь, в Рейдграде, насмешки сменились холодным равнодушием — и это Ксения умела выносить.

Однако и здесь её дар не принёс ей покоя. Когда король Владимир узнал о магии марионетки, его лицо потемнело, как небо перед бурей. Он едва сдержал гнев: отказаться от брака значило снова разжечь войну, а этого сейчас не хотел никто. Так Ксения осталась при дворе — с собственной комнатой, служанкой и статусом, который был чем-то средним между гостьей и заложницей.

Наследный принц Айвон навещал её пару раз — скорее из долга, чем из интереса. Его вежливые улыбки не доходили до глаз, и Ксения прекрасно понимала: она ему не нужна. Не как невеста, не как союзница, не как человек.

Ей было семнадцать. Волосы цвета тёмного ворона ниспадали до поясницы тяжёлой волной, будто хранили в себе отголоски ночных теней. Серые глаза смотрели спокойно, без вызова, но и без покорности. Волевой подбородок выдавал

упрямую жилку, которую она научилась прятать за вежливыми кивками. Грудью она не могла похвастаться, да и не стремилась: её сила была не в том, чтобы привлекать взгляды, а в том, чтобы замечать, кто на неё смотрит и зачем. А изгиб её тела и ровные длинные ноги она воспринимала просто как инструмент — как меч, который должен быть удобным, а не красивым. Ксения не считала себя первой красавицей, но и не позволяла сомнениям грызть её изнутри. Красота в этом дворце была валютой, но Ксения знала: есть и другие способы иметь вес. Например, видеть то, что другие не замечают. Или помнить каждое сказанное слово. Или учиться управлять тем, что все считают бесполезным.

Сегодня утром, глядя сквозь решётку на рассвет, она вдруг почувствовала, как в груди шевельнулось что-то новое — не надежда, нет. Скорее готовность. Мир не собирался становиться к ней добрее. Значит, ей придётся стать чуть хитрее, чуть внимательнее, чуть крепче. И, возможно, однажды магия марионетки окажется не «бесполезной», а самой опасной вещью в этой игре.

С того момента, как Ксения оказалась в чужой стране, прошёл год — целый год без войны. Дни текли одинаково, будто вода по одному и тому же руслу: либо она сидела в своей комнате, где пахло воском и старой бумагой, либо пряталась в библиотеке, скользя пальцами по корешкам книг, словно искала в них подсказку, как выжить среди чужих. Гулять она не любила: стоило ей выйти во двор, как рядом тут

же вырастали рыцари, а где-то за спиной, в полутени галерей, шелестели насмешки стражи. Ксения научилась не оборачиваться на эти шёпоты, но слышать их всё равно приходилось — и каждый такой звук царапал изнутри.

В один из дней её неожиданно вызвали во дворец. Ксения надела скромное платье, серое, как утренний туман, и в сопровождении стражи и служанки направилась по длинным коридорам к тронному залу. Сердце стучало ровно, но в груди было тесно, будто воздух стал гуще, стоило ей подойти к двойным дверям.

Когда она вошла, принц Айвон стоял у трона, прижимая к себе девушку местного герцога. Его поза была нарочито спокойной, а голос, когда он заговорил, прозвучал неожиданно громко:

— Явилась убийца!

Ксения знала: принц давно встречался с этой девушкой — ещё до её приезда. Но сейчас он не просто выставлял её напоказ. Он метил прямо в сердце.

«Что за бред», — пронеслось в её мыслях, но Ксения не позволила себе вздрогнуть. Она сжала пальцы в кулаки так, что ногти впились в ладони, и заставила себя мыслить рационально.

— О чём вы говорите, мой принц? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без дрожи.

— Ты ещё смеешь делать вид, что не знаешь! — визгливо выкрикнул Айвон, и в этом крике было столько наигранной

ярости, что стало почти смешно… если бы не кинжал, который прятался за этой сценой.

— Тебя специально отправили сюда, чтобы ты убила короля!

Это звучало нелепо, но именно в нелепости и была сила лжи: она цеплялась за уши, не давая времени подумать.

— Это серьёзное обвинение, мой принц, — промолвила Ксения, не опуская взгляда. — Какие у вас есть доказательства моей причастности?

Принц усмехнулся, и по его лицу скользнула тень удовольствия — он играл с ней, как кот с мышью. И тут Ксения поняла: он сам подослал убийцу к отцу, а теперь пытался всё свалить на неё.

«Но зачем?» — подумала она. Ответ пришёл быстро, холодный и острый, как лезвие. Принц с самого начала не хотел этого брака. Но это не повод убивать собственного отца… если только не было повода куда существеннее. Власть. Война. Возможность стать тем, кто решает, кому жить, а кому умереть. Наверняка были те, кому война была выгодна. Ксения не раз слышала шёпоты в коридорах: многие не поддерживали идею короля о мире.

— Значит, тебе нужны доказательства? — ехидно спросил Айвон. — Они будут. Давай спросим твою служанку.

Он перевёл взгляд на Марию, девушку, которая почти год жила с ней бок о бок, делила тихие вечера и знала, где Ксения прячет любимые книги. Сейчас она стояла, склонив го-

лову, и её поклон был слишком низким, слишком правильным.

— С вашего позволения, вчера ночью я решила проверить покои госпожи, — произнесла Мария, не поднимая глаз. — Она часто оставляла непогашенные факелы и свечи.

Ксения напряглась. Мария никогда не приходила ночью в её спальню. Это была откровенная ложь.

— Когда я вошла, госпожи внутри не было. Мне показалось это странным. Но ещё страннее было то, что охранника около её покоев не оказалось.

— Мы поймали этого охранника, — продолжил Айвон, смакуя каждое слово. — Перед смертью он уверял, что сделал это по твоей воле. Ты использовала на нём свою магию.

«Как удобно обвинить в этом меня», — подумала Ксения. Они даже не знали, как работает её магия. Она не могла управлять живыми людьми. Только неживыми: куклами, марионетками, механизмами, тенями на стенах. Но об этом им лучше не знать. Пока что.

— Также в покоях госпожи я обнаружила это, — сказала Мария.

Она вытащила свёрток: ткань, пропитанную тёмной, густой кровью. Развернув её, она показала кинжал. Металл тускло блеснул в свете факелов, будто насмехался над попытками держаться спокойно.

На миг Ксения закрыла глаза. Запахи дворца — дым, воск, металл — сгустились, стали почти невыносимыми.

«Оправдываться нет смысла», — подумала она. — «Но и признаваться я не собираюсь. Они не посмеют меня убить: пока я жива, у них есть возможность захватить моё королевство без лишней крови. Я — договор, написанный на живой бумаге».

— Что, нечего сказать? — громко спросил принц. — Признаешься в преступлении?

Ксения открыла глаза и посмотрела прямо на него. В её взгляде не было ни мольбы, ни страха — только холодная ясность.

— Нет. Ни в чём признаваться я не собираюсь.

— Тогда ты, злодейка, будешь гнить в башне, пока не признаешься! — выкрикнул Айвон.

Двое рыцарей подошли к ней. Холод железа обжёг запястья, когда на них сомкнулись кандалы. Её отвели в башню — ту самую, чьи решётки она столько раз видела издали, как границу между свободой и клеткой. В самой высокой келье ей выдали мешковатую одежду, пахнущую сыростью и пылью, и закрыли дверь. Щёлкнул замок, и этот звук прозвучал как приговор.

Сейчас девушку, заточённую в башне, трудно было признать принцессой. Мешковатая серая одежда сливалась с камнем стен, а солома, на которой она сидела, пахла пылью и дождём, который всю ночь барабанил по крышам дворца. Ксения обхватила колени, будто пыталась удержать внутри хоть немного тепла. Её волосы, обычно тяжёлые и гладкие,

как крыло ворона, теперь спутались, и в них застряли сухие травинки. Даже гордость, которую она столько месяцев прятала под вежливыми поклонами, сейчас казалась чем-то хрупким, почти невесомым — будто её сдуло сквозняком из узких окон-щелей.

День, который пришёл сегодня, был ясен как стекло: прозрачный, безжалостно яркий, без единого облака, чтобы спрятать в нём надежду. И в этой ясности не было ничего утешительного — только чёткие контуры её будущего: либо она сломается и скажет то, что от неё хотят услышать, либо останется здесь, пока её имя не станет просто шёпотом в коридорах, а потом и вовсе исчезнет из памяти.

«Злодейка», — прокрутила она это слово, пробуя его на вкус, как горькую траву. Оно царапало язык. И самое обидное было не в том, что её оклеветали, а в том, как легко всё сложилось: служанка, которая когда-то делилась с ней тёплым хлебом, теперь стала частью чужой игры; охранник, которого она иногда встречала в коридоре и кивала ему, теперь «признался» под пытками; кинжал, которого она никогда не держала в руках, стал её приговором.

Ксения тихо усмехнулась, и этот звук, чужой в тишине кельи, прозвучал почти как вызов.

«Если уж мне суждено быть злодейкой, — подумала она, — пусть это будет не та злодейка, которая плачет в углу. Пусть это будет та, что найдёт ниточку в этом клубке и потянет за неё».

Она медленно провела ладонью по полу, ощупывая стыки камней. В детстве, когда старшая сестра запирала её в чулане, она училась замечать детали: где скрипит половица, где тень ложится иначе, где воздух чуть холоднее. Тогда это было просто способом не сойти с ума от одиночества. Сейчас это могло стать способом выжить.

В щели между камнями что-то поблёскивало. Ксения наклонилась ближе. Тонкая медная проволока, почти незаметная, будто её обронили при ремонте решётки. Или… будто кто-то специально оставил её здесь.

Она подняла проволоку и сжала в кулаке. Металл был холодным, но в нём чувствовалась твёрдость — как напоминание, что не всё в этом мире можно сломать криком и обвинением.

Где-то внизу, во дворе, прокричал петух, и звук этот, резкий и живой, словно прорвался сквозь толстые стены. Ксения подняла голову. Солнце теперь било прямо в окно, заливая келью золотистым светом, и на миг ей показалось, что решётка — это не преграда, а рамка для картины, которую кто-то старательно рисует. И если присмотреться, в этой картине обязательно найдётся трещина.

Она снова вздохнула, и этот вздох, тихий и тяжёлый, растворился в каменных стенах. Ксения не заметила, как усталость накрыла её, как веки стали тяжёлыми, а мысли — размытыми. И, проваливаясь в сон, она успела подумать лишь одно: «Пусть они думают, что я сломлена, — решила она,

пряча проволоку в складку одежды. — Пусть думают, что злодейка просто ждёт своей участи. А я буду смотреть. И ждать. И тянуть за ниточки».

Проснулась Ксения от лязга открываемого засова — звук этот теперь врезался в сознание раньше любого другого, будто сам воздух в келье звенел от него. В проёме мелькнула фигура тюремщика; он молча бросил на пол тарелку с чемто серым и комковатым, рядом шлёпнулся ломоть хлеба, твёрдого, как камень, и звякнула фляга с водой. Не взглянув на девушку, стражник развернулся и вышел, снова громыхнув засовом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.